

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

У.А. Буриева – докторант НУУз.

Email: Umida.Burieva.1984@mail.ru

Аннотация

В статье отражено, что семантические, прагматические или риторические дискурсивные функции во многом связаны с интерактивными и социокультурными функциями. Они всегда требуют социально-когнитивного взаимодействия, то есть эпизодических моделей конкретных социокультурных событий и общих знаний или взглядов на социальные структуры, которые могут отображаться или ограничивать когнитивные представления, лежащие в основе конкретного дискурса.

Ключевые слова: семантический, прагматический, риторический, социокогнитивный интерфейс, социокультурный, функциональный, концептуальный, когнитивный, пространственный, временной, логический, дискурс.

Annotation: The article reflected that semantic, pragmatic or rhetorical discourse functions are related in many ways with interactional and socio-cultural functions. They always require a socio-cognitive interface, that is, episodic models of specific socio-cultural events and shared general knowledge or attitudes about societal structures, which both can be mapped on or constrain the cognitive representations that underlie a specific discourse.

Key words: semantic, pragmatic, rhetorical, socio-cognitive interface, socio-cultural, functional, conceptually, cognitively, spatial, temporal, logical, discourse.

Высшая цель функциональной грамматики конкретного языка - дать полный и адекватный отчет о грамматической организации связного дискурса на этом языке. Функциональный анализ текста и функциональная грамматика не только накладываются друг на друга, они также имеют общие корни и обмениваются ссылками со связанными подходами, например, в *Tagmemics*[1]. Особенно в чешской структурной работе над перспективой функционального предложения (FSP), например, по таким важным, но все еще неуловимым понятиям, как *Тема / Тема, Комментарий / Рим и Фокус*. Чешские лингвисты были одними из первых, кто проанализировал систематические отношения между предложениями текстов и подчеркнули зависимость тематических предложений от типично текстовых явлений, таких как динамические отношения между “старой” и “новой” информацией в предложениях и последовательностях предложений. Именно эта дискуссия также вдохновила гораздо более позднюю работу, как в “*Функциональной грамматике*”[2] так и в других (типологических, системных) подходах к дискурсивной грамматике и связанная работа на границах лингвистики и когнитивной психологии[3]. Таким образом, одним из отличительных признаков функциональных подходов к языку является подчеркивание дискурсивного характера использования языка и анализ (как минимум, некоторых) структур предложений как функционально зависимых от структур текста и разговора. Целью данной статьи не может быть обзор обширной литературы по функциональной лингвистике, в которой действительно уделяется внимание структурам дискурса. Скорее я выберу ряд конкретных функциональных свойств текстов, которым уделяется меньше (или, на мой взгляд, менее адекватное) внимание в литературе и покажу, что для адекватной теории функциональных отношений также необходим компонент текст-контекст.

Одной из основных задач функционального анализа структуры текста является систематическое описание функциональных связей между предложениями текстов. Эти отношения могут быть теоретически установлены для каждого грамматического или другого уровня анализа, то есть в терминах классического фонологического, синтаксического или семантического описания, но также в рамках прагматического, стилистического, риторического или над структурного (например, аргументативного, повествование и т. д.) учет структуры текста. Хотя некоторые из этих “уровней или измерений” дискурсивной структуры тесно связаны, я остановлюсь сначала на семантических отношениях. Если мы предположим, что семантика текстов должна (также) быть сформулирована в терминах предложений, отношения между предложениями должны быть определены в терминах отношений между предложениями[4]. Эти отношения бывают нескольких видов и лежат в основе определения одного основного свойства текстовой значимости, а именно (локальной) согласованности.

Во-первых, мы можем иметь отношения между концепциями последующих высказываний, например, концептуальной идентичности (синонимия) или включения (гипонимия, гиперонимия). Хотя такие отношения часто встречаются в текстах, они не являются ни достаточными, ни необходимыми для определения согласованности. Чтобы определить структурно-семантическое понятие текстовой связности, суждения должны быть связаны в целом, а не только с точки зрения их предикатов или аргументов. Основными условиями текстовой согласованности являются ссылочные или экстенциональные[5]. То есть дискурсы являются связными в первую очередь, если их соответствующие предложения относятся к “фактам” (состояниям, событиям и т. д.) которые связаны в некоторой

ситуации (возможный мир, модель и т. д.) *например: отношением время, обусловленность или причинность, как в тривиальном примере:*

1. *John is sick. He can't come. Джон болен. Он не может прийти.*

Здесь первое предложение обозначает факт, который является причиной факта, обозначенного вторым предложением. Точно так же факт, обозначенный предыдущим предложением, может “включить” факт, обозначенный вторым предложением:

2. *John went to the movies. He didn't like the film. Джон ходил в кино. Ему не понравился фильм.*

3. *John went to the swimming pool. He didn't like the water. Джон пошел в бассейн. Ему не нравилась вода.*

Очевидно, что эти отношения когерентности определяются относительно знания мира говорящего (или слушателя), например, как представлено в сценариях эпизодов, различающихся в разных культурах. Другими словами, когерентность в этом случае определяется не напрямую через “*пропозициональные отношения*”, а косвенно через (известные) отношения в мире. Или даже более кратко: текст является связным, если он описывает факты, которые известны или считаются связанными [6]. В более формальных или познавательных терминах, таким образом, текст является когерентным, если его можно интерпретировать в (формальной, ментальной) модели. Одно из общеизвестных свойств локальной семантической согласованности, а именно совместная ссылка, зависит от такого отношения между фактами в модели и получается, когда элементы (индивиды, свойства, отношения) таких связанных фактов идентичны. Следует, однако, повторить, что базовая идентичность или ее функциональный коррелят а именно, непрерывность темы, не является ни достаточным, ни необходимым условием локальной согласованности: мы можем рассказать не последовательную историю об одном и том же человеке и связную историю о много разных людей. Помимо

этого типа ссылочной согласованности предложения в текстах также могут быть функционально связными[7]. В этом случае условие не *экстенциональное*, а *интенциональное*: отношение может быть концептуально определено в терминах самих предложений:

4) *John can't come. He is sick. Джон болен. Он не может прийти.*

В этом случае первое предложение не описывает факт, который обуславливает факт, описанный вторым предложением, как это было в первом. Действительно, порядок предложений, кажется, идет вразрез с “естественным порядком” событий: следствие упоминается перед его причиной или причиной. Если представления естественного порядка представляют собой немаркированный, “нормальный” способ описания событий, другой порядок представляет собой помеченную форму и, как правило, имеет определенную функцию, как и здесь. Я вернусь к понятию “естественный порядок” ниже[8].

Второе предложение не только описывает причину или причину факта, упомянутого ранее, но при этом ему назначается функция объяснения. Таким образом, объяснения являются функциональной категорией текстовой структуры, поскольку они определяются с точки зрения их отношения к другим положениям в тексте[9].

В Проблемы анализа функционального дискурса таким же образом, следующие предложения (или, скорее, предложения) могут, таким образом, “указывать”, “обобщать”, “противопоставлять”, “перефразировать”, “противопоставлять”, “заключать из” или “приводить пример более ранних предложений в тексте (для ранний подход к таким функциональным или “риторическим отношениям”)[10].

Мы видим, что семантические, прагматические или риторические дискурсивные функции во многом связаны с интерактивными и

социокультурными функциями. Однако такие отношения не являются прямыми. Они всегда требуют социально-когнитивного взаимодействия, то есть эпизодических моделей конкретных социокультурных событий и общих общих знаний или установок о социальных структурах, которые могут быть отображены или ограничивать когнитивные представления, лежащие в основе конкретного дискурса[11].

Принципы функциональности также показывают, как дискурс и такие познания, в свою очередь, встроены в стратегическое взаимодействие и в более широкую структуру социокультурного воспроизводства, встроены, которая снова когнитивно представлена, в частности, в терминах отношений между отдельными моделями и общим знанием, отношения и идеологии общих социальных познаний группы[12]. Действительно, выборочно выслушивая, вспоминая и пересказывая историю о этих турках вниз по улице, стратегически и следовательно, функционально воплощает в повествовательно выраженной модели более общее отношение и идеологию об «иностранцах», социальное познание, которое, как оказалось, функционирует само по себе в воспроизведение силы белой группы[13]. Следовательно, функциональность в использовании языка и дискурсе показывает не только то, как организованы предложения или тексты, а не только то, как они связаны с познанием, взаимодействием и социальной структурой. Это также показывает, что дискурс никогда не зависит от контекста и, следовательно, никогда не бывает невинным.

Хотя модели дискурса и модели коммуникативного контекста являются основой дискурса, не вся информация в дискурсе происходит от моделей. Действительно, семантическая функция обобщения может содержать информацию, которая не является специфической для отдельного эпизода, но вытекает из более общих знаний, например, представленных в сценариях или других социальных познаний, таких как общие, социально или культурно-

общие знания и убеждения, в том числе установки, нормы и ценности, представленные в семантической (или социальной) памяти. Таким образом, истории могут содержать обобщения людей, действий или событий. Таким образом, в расистских высказываниях можно выразить стереотипы или предрассудки, чтобы объяснить, почему конкретные герои истории, такие как члены этнических меньшинств, действуют особым образом .

Из этих наблюдений мы можем в целом сделать вывод, что глобальное и локальное упорядочение дискурса, функциональные отношения между предложениями, а также схематические категории текстовых жанров отражают основные когнитивные стратегии, применяемые при отображении информации из эпизодических моделей и общих социальных познаний на семантическое представление текста в памяти. Тем не менее, пока у нас мало понимания деталей когнитивных репрезентаций и ментальных стратегий, задействованных в этих картографических операциях. Мы также не знаем, как различные принципы отображения взаимодействуют, противодействуют или объединяются друг с другом в линеаризации когнитивной информации в семантических представлениях и «поверхностных структурах» текста и разговора.

Список использованной литературы:

1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.:2006. – С. 157-171.
- 2.Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. –М.: Искусство, 1986. –С. 444.
3. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л.: ЛГУ, 1990. –С. 88.
4. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб.: Наука, 1993.–С. 45.
5. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. – Грозный : ЧИГУ, 1981.–С. 113.

6. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка). – М. : МАКС Пресс, 2002. –С. 108.
7. Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. –Таллин;Валгус, 1987. –С. 190.
8. Brown G. Discourse analysis. – Cambridge :Cambr. Univ.Press, 1983.–P. 288.
- 9.Fasold R. Sociolinguistics of language. – L.; N.Y. : Longman, 1990. –P.201.
10. Harder P. Partial autonomy: Ontology and methodology in cognitive linguistics / P. Harder // Cognitive linguistics: Foundations, scope, methodology. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 195-222.
11. Ostman J. Discourse analysis / J. Ostman, T. Virtanen // Handbook of pragmatics: Manual. –Amsterdam, Phil.: John Benjamins, 1995. – P. 239-253.
12. Shiffrin D. Approaches to discourse / Shiffrin D. – Oxford;Cambridge : Blackwell, 1994. –P.470.
13. Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language / Stubbs M. – Oxford: Blackwell, 1983. –С. 272.